

ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА №3

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ТЕАТРАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ
СОВРЕМЕННОЙ ДРАМАТУРГИИ

23 июня 2023

ВСЬ МИР – ДЕТСКИЙ САД, А МЫ В НЕМ – АНАСТАСИЯ ВИТАЛЬЕВНА

Представьте себе игру: вы должны каждый день проходить квесты, управлять мини-цивилизацией, выполнять физическую работу, затем умственную (иногда одновременно) и регулярно бороться с «боссами». Из оружия у вас – пластмассовая треснувшая лопатка, ресурсов нет, подсказок нет, помощи нет, автосохранения тоже нет. Успехом считается получение полной зарплаты (15 000 рублей). Задача – выжить. Примерно такую игру и продемонстрировали актеры Салаватского государственного башкирского драматического театра в спектакле по пьесе Алексея Житковского «Горка» (реж. Ильсур Казакбаев).

Казалось бы, что тут такого: обычный детский сад, каких тысячи по всей стране, в котором работает обычная воспитательница. Такая работа не может требовать больших усилий и знаний. Но запредельный уровень многозадачности вытягивает из Анастасии Витальевны (Нафиса Мазитова) все соки. Ей приходится брать работу домой, строить детскую горку по выходным, до ночи отвечать в родительском чате. Она – одна из «винтиков» в системе детского сада. Винтику ведь много не надо, разве что немного машинного масла, чтоб не заржавел. В пьесе Алексея Житковского детский сад – не просто место, куда можно отдать ребенка утром перед работой, а модель тоталитарного общества. И модель эта имеет форму горки: на вершине – лидер, перед которым благоговеют все и вся, под ним – фигуры поменьше, которые подчиняются приказам, несут ответ перед лидером и распределяют обязанности среди людей низшей ступени в этой иерархии – воспитателей. Те, в свою очередь, являются фундаментом горки, без которого она не может существовать. Воспитатели на своих плечах держат всю тяжесть системы, выполняют самую тяжелую и «грязную» работу. И подчиняются, подчиняются, подчиняются.

Ильсур Казакбаев свою постановку визуально сделал похожей на игру. Казалось бы, максимально простые декорации – белые блоки, которые трансформируются и в шкаф, и в постамент, и в кровать. Из этих блоков состоит и задник сцены, на котором транслируется анимация: маленький человечек, на которого нападают огромные страшные монстры, и он постоянно куда-то бежит. А в конце спектакля актеры строят из этих блоков горку, как будто играют в «тетрис».

Мотив игры – не единственная особенность постановки. Почти все реплики актеры читали на башкирском языке, а для тех зрителей, кто языка не знает, труппа привезла полные чемоданы приемников с наушниками для прослушивания синхронного перевода. Однако не все гости поспешили воспользоваться аппаратурой. «Нам очень понравилась постановка. Это поучительная история, которая будет интересна и молодежи, и старшему поколению. Здорово, что пьесу читают на башкирском языке, ведь у нас в Екатеринбурге есть довольно крупная башкирская диаспора. Эти люди скучают по родной речи, и для них посмотреть такой спектакль – особенное удовольствие», – говорит Надежда Федоровна Гуцал, которая пришла на представление в Екатеринбургский государственный театральный институт.

Отдельное внимание следует уделить музыкальному сопровождению. Режиссер решил охарактеризовать персонажей при помощи классических оперных партий. Так, заведующая Зульфия Фаридовна (Рустам Фазылов), выходя на сцену, «исполняет» арию Царицы Ночи из оперы В. А. Моцарта «Волшебная флейта»: «Ужасной мести жаждет мое сердце! Я беспощадна! Жажду мести я!»

Анастасия Витальевна живет на грани нервного срыва. И тогда маленький мальчик Озод (Якуп Шарипов), который и разговаривать-то толком не умеет, греет ладошки, чтобы подарить тепло этой чужой, по сути, женщине.

Детей в группе «Пчелки» и их родителей играют одни и те же артисты, и каждый из них по отдельности наполняет своего персонажа индивидуальными чертами, но все вместе они – две абсолютно одинаковые, хаотичные, неуправляемые толпы.

Концовка спектакля отличается от той, что придумал драматург. Никто не останется одиноким. Никто не будет плакать. И горка, наконец-то, появится. И песня для утренника будет звучать как надо. А значит, Анастасия Витальевна прошла этот уровень, она в безопасности. Хотя бы на какое-то время.

Спектакль «Горка». Фото Марии Пастуховой

Мария Пастухова,
студентка Департамента журналистики УрФУ

«ИЩУ МАМУ В ЗРИТЕЛЬНОМ ЗАЛЕ»

Салаватский государственный башкирский драматический театр показал на фестивале «Коляда-PLAYS» спектакль «Горка» по одноименной пьесе Алексея Житковского. Мы побеседовали с актером, исполнившим роль Озода, Якупом Шариповым. Он поделился опытом своей работы над ролью и немного рассказал о режиссере, которому не удалось приехать в Екатеринбург в этот день.

Спектакль «Горка». Фото предоставлено Салаватским государственным башкирским театром, Башкортостан

Спектакль «Горка». Фото предоставлено Салаватским государственным башкирским театром, Башкортостан

– **Насколько близка Вам пьеса А. Житковского?**

– Я человек в годах. Когда родился, детского садика не было, и, соответственно, я туда не ходил. Родился тоже не в роддоме, а дома. Поэтому история с воспитателем, группой и родительским чатом для меня не личная.

– **Расскажите, пожалуйста, о работе над ролью: не так просто сыграть на сцене противоположный себе возраст и передать детскую непосредственность.**

– У меня есть внук, ему пять лет. За всеми его выходками я наблюдаю. Как он ищет глазами маму, например. Помню, когда он пошел в первый класс, стоял рядом со своими одноклассниками и в какой-то момент потерял маму, среди других взрослых лиц. Я это на камеру заснял крупным планом. Ему не были интересны тогда одноклассники, он мокрыми от слез глазами искал маму, – это было что-то. Я у него это почерпнул. И теперь тоже, находясь на сцене, ищу маму в зрительном зале. Я, конечно, всего не мог передать, но старался. Хотя в этом спектакле изначально хотел сыграть сторожа дядю Ваню. Но режиссер попросил прочесть текст роли Озода, я прочел, все смеялись. И тогда решили, что я буду осиливать эту роль. Взаялся и сыграл ребенка. Если быть точнее, я старался не играть, а проживать. Все-таки играть я не умею.

– **Почему Вы решили связать свою жизнь с театром?**

– Образование у меня музыкальное: окончил оркестровое отделение по классу баяна, пришел в театр заведующим музыкальной частью. Но потом мне дали роль, я ее сделал, понравился. И дальше пошло-поехало. Так что никаких театральных училищ я не кончал, а просто в 39 лет из музыкантов перешел в актеры, нашел свое призвание в Салаватском театре. Работаем в нем вместе с женой 5 лет: она тоже музыкант, только окончила вокальное отделение. В «Горке» она занята в роли медсестры. Чтобы стать актером не обязательно учиться в институте.

– **Расскажите немного о режиссере постановки, как проходила работа с ним?**

– Все спектакли режиссера Ильсура Казакбаева выходят на фестивали. У него есть спектакль «Беруши» по пьесе Олжаса Жанайдарова, она про Казахстан, но мы ее сделали на наш, башкирский лад. С этим спектаклем мы побывали в Казани, Москве. А «Горку» начали делать в мае, были в Грозном. Но тогда спектакль выглядел по-другому. Сегодня вы увидели уже примерно пятую версию. Так что постановка экспериментальная, и это – заслуга режиссера. Он исправлял спектакль и за 20 дней до премьеры, искал, искал, искал. Конечно, уставали. Мы, артисты, ему говорим: что Вы все меняете, до премьеры не запомним. Он говорил: у нас есть время до третьего звонка. Время для репетиций. Кто-то: раз-два, раз-два, и за два дня – спектакль готов, а у Ильсура Казакбаева – бесконечный творческий поиск. Такой он режиссер.

– **Как Вы считаете, для какой аудитории этот спектакль?**

– Не для детей, конечно, мы этот спектакль играем для взрослых. Здесь много серьезных моментов. В общем, 14+.

– **Вы сами скучаете по детству?**

– Конечно, каждый человек вспоминает свое детство. Тогда было хорошо, жили в СССР, когда не было телефонов. Я родился в деревне, у нас даже света не было: керосиновый светильник. Как только я родился, в деревне появился радиоприемник. В 1963 году нам провели свет. Но детство, несмотря на это, было беззаботным: лучший период, когда ты ни о чем не думаешь, и у тебя нет никаких хлопот. Думаешь: и мама, и папа будут жить вечно. А на самом деле это не так. Время летит быстро.

Татьяна Вербловская, студентка отделения «Литературное творчество»

Спектакль «Горка». Фото предоставлено Салаватским государственным башкирским театром, Башкортостан

ТРАМВАЙ ЖИЗНИ

Постановка пьесы Алексея Еньшина «Угонщица», представленная режиссером Александром Фукаловым и артистами Ирбитского драматического театра им. А. Островского, собралась настоящий аншлаги в малахитовом зале «Коляда-Театра». Драматическая история о жизни, любви, одиночестве, об утраченном времени, о несбывшихся мечтах никого не оставит равнодушным. Это история о каждом из нас, и каждый найдет в ней свой собственный смысл.

Спектакль начинается, и мы видим перед собой телевизор, с экрана которого диктор рассказывает о шокирующей новости – пенсионерки угнали трамвай, за что теперь им грозит семь лет тюремного срока. Экран гаснет. Перед нами комната, с первого взгляда ощущается бедность, теснота и духота, маленькое деревянное окошко под потолком закрыто, вместо тумбочки картонная коробка, на которой стоит чайник и множество пузырьков с таблетками. Металлическая стена с дверцей на заднем плане завалена вбок, к окну ведет большая приставная лестница. На кровати женщина в очках и розовом халате (Оксана Иванова) с трудом, кряхтя и охая, пытается подняться на ноги, едва передвигается по комнате.

Спектакль «Угонщица»
Фото Ольги Смоленской

трамвая, которая все-таки оказалась фейком. История их взаимоотношений раскрывается для зрителя на протяжении всего спектакля, складываясь, как пазл, из обрывков разговоров, воспоминаний. Здесь есть все – предательство, боль, любовь. Ведь оказывается, что причиной ссоры стал мужчина. Сорок лет прошло в непрощенных обидах, взаимных упреках, злости, желании отомстить. Так незаметно и прошла вся жизнь, а счастья никто из них так и не нашел. Каждая по-своему одинока. Татьяна упрекает Катерину, что та жизнь прожила неправильно, осталась в одиночестве на старости лет, ни детей, ни внуков, а потом сама признается, что и ее-то внуки уже выросли, бабушка им больше не нужна. Так в чем же тогда счастье? В чем смысл жизни? И что вообще значит – «жить»?

Фейковая новость об угоне трамвая задела Катерину за живое. Она вдруг понимает, что жизнь уже на исходе, а она до сих пор не жила по-настоящему, все будто в забытьи, во сне, и заново начинать уже слишком поздно. Катерина загорается идеей воплотить шутку в жизнь и угнать трамвай из депо. Ей хочется напоследок почувствовать себя живой, пусть и таким необычным способом. Эта идея воодушевляет всех окружающих, помочь в осуществлении плана соглашается и сосед-алкоголик Серега (Ярослав Кожин), и даже сама Татьяна, женщина строгих правил.

Вся цепь событий в спектакле приводит главную героиню, Катерину, к логически верному завершению жизненной истории. Все обиды прощены, все недосказанное высказано, всех, кого она в этой жизни любила и не видела целую жизнь, в этот день неожиданно встретились ей. И любимый трамвай, в котором она провела полжизни, работая в депо. И пусть этот старый трамвай уже не может никуда ехать, его колеса забетонированы, он теперь – музейный экспонат, но он все еще может звенеть... Вот такая грустная аллегория. Человек стареет телом, а душа его все так же звонко поет, но время вспять не повернуть.

Спектакль «Угонщица»
Фото предоставлено Ирбитским
драматическим театром
им. А. Островского

Через мгновение мы оказываемся за дверью маленькой квартирki. Элегантно одетая женщина в шляпке и очках (Ксения Скворцова) нервно ходит из стороны в сторону, так же нервно и слишком громко стучит в дверь. В ходе последующего диалога двух женщин, Катерины и Татьяны, зритель узнает, что героини не виделись друг с другом уже сорок лет. А поспособствовала встрече новость об угоне

Ольга Смоленская,
студентка Департамента журналистики УрФУ

«ПОЧЕМУ ЛЮДИ ЖИВУТ ТАК СЛОЖНО?»

Современные постановки довольно часто заставляют нас задуматься о своей жизни в данный момент времени, именно сейчас в свой год, в свой век. Пьеса «Угонщица» Алексея Еньшина в исполнении Ирбитского драматического театра имени А. Н. Островского погружает зрителя в тяжелую, но, к сожалению, слишком частую атмосферу нашего времени. Прощение, принятие неизбежного и сестринская любовь показаны лишь двумя героинями в одном возрасте. Это история об упущенном времени, которого никогда не вернуть, о скоротечности жизни и умении понять друг друга. Абсолютно каждый зритель найдет здесь что-то свое, задумается о простых, но невероятно важных вещах. Мы поговорили с исполнительницами ролей двух главных героинь спектакля: Оксаной Ивановой и Ксенией Скворцовой.

– Как началась ваша карьера в Ирбитском театре?

Ксения Скворцова:

– Я окончила Академию культуры и искусств в Барнауле. После 4 курса хотела попасть в маленький городок, чтобы приобрести опыт. Мой знакомый работал в Ирбите. Я списалась с режиссером, он пригласил приехать. Я поехала, даже не зная где находится Ирбит, оказалась сначала в Екатеринбурге, потом вызвала такси и отправилась дальше. Меня прослушали, я начала работать там в 2012 году.

Оксана Иванова:

– У меня все намного сложнее. Я мечтала быть балериной, но папа в детстве запретил мне заниматься не только танцами, но и всем на свете. Про театр вообще думать не могла, поэтому поступила в медицинское училище. Начала работать в психбольнице, а потом на санитарно-эпидемиологической станции, вышла замуж, и когда мы разошлись, поехала поступать в Алтайский государственный институт культуры, мне было 23 года. Учась на втором курсе заочного, решила уволиться со своей работы, чтобы работать в театре, платили очень мало, в два раза меньше, чем на прошлом месте. Я отработала тогда в Рубцовске 12 лет, и потом меня пригласили в Ирбит. Думала, что приеду на сезон, как обычно, перекантуюсь немного и поеду дальше, но как-то все временное стало постоянным. Так, с 2004 года я в Ирбите.

– Как было принято решение ставить именно эту пьесу?

Оксана Иванова:

– У нас была читка на зрителя, такое проводим довольно часто, и зрителю понравилась именно «Угонщица», и мы взяли ее в работу. Изначально мы не думали, что будем ставить именно ее. Роль сестры моей героини должна была играть другая актриса, но она за три дня до премьеры заболела, и за день до сдачи роль передали Ксении.

Ксения Скворцова:

– Был один день для репетиции, на следующий день намечена сдача, ее отменили. За двое суток я влилась в этот спектакль, выучила весь текст, и мы вышли на

Спектакль «Угонщица». Фото Дарьи Дручинной

премьеру. Тогда приехал сам Алексей Еньшин, автор пьесы. Все прошло хорошо.

Оксана Иванова:

– Учитывая такое маленькое время для подготовки, лучше актрисы на эту роль, чем Ксения, мы бы не нашли.

– Благодаря вашей игре сложилось впечатление, что вы играете вместе очень давно и в жизни близкие люди. Так ли это на самом деле?

Ксения Скворцова:

– Когда я приехала в театр в 2012 году, Оксана Алексеевна сразу взяла меня под свое крыло, ведь обе были с Алтая. Мы всегда тесно и хорошо общались.

– Какие мысли оставила за собой эта постановка?

Оксана Иванова:

– Мы стремились, чтобы до самого конца не было понятно, что мы сестры. Хотели, чтобы это было неожиданно для зрителя. Ситуация совпала с моими личными обстоятельствами. В Ирбите я уже много лет живу в гостиничном номере в маленьких комнатах: сначала было одиннадцать, а теперь шестнадцать кв метров. Это такая же клетка, как у одной из главных героинь: туалет, ванна, кухня и кровать в одном пространстве. Где готовлю, там же сплю, другого не предвидится. А хочется жить на полную катушку, не существовать, а жить.

Ксения Скворцова:

– У меня возник вопрос: «почему люди живут так сложно»? Сестры не общались целых сорок лет. Обиды простились. Но почему все прощается лишь ближе к старости, к смерти, почему ты понимаешь это лишь с возрастом? Ведь иногда даже и перед смертью можно не успеть. Здесь, в пьесе, мы успели.

– Есть ли у вас любимые роли, или постановки, в которых вы играли и почему?

Ксения Скворцова:

– Роль Медеи. Спектакль был поставлен осенью прошлого года. Мы сыграли около пяти раз, а потом постановку заморозили, потому что мы переехали в другое здание, а ведь все было рассчитано на большую сцену. Осталось еще много вопросов, хочется поиграть еще, чтобы больше раскрыть эту роль. Мы пока ждем.

Оксана Иванова:

– «Красавица из Линэна», мы много раз возили этот спектакль на фестивали, но моя партнерша ушла в декрет, и поэтому мы временно прекратили его играть.

**Дарья Дручинина,
студентка Департамента журналистики УрФУ**

АНОРЕКСИЯ СЕРДЦА

Чего не сделаешь ради любви! Ради нее можно перевернуть весь мир, ведь кажется, будто нет на свете ничего невозможного. Но только дело доходит до любви к ближнему и к самому себе, она то ли испаряется, то ли угасает... Пьеса «Конец февраля» Екатерины Антоновой в этом году вновь участвует в фестивале «Коляда-PLAYS», на этот раз в постановке режиссера «Нового Молодежного театра» Дарьи Шаховой из Нижнего Тагила.

История трех девушек, объединенных диагнозом анорексия, рассказана актрисой Ксенией Зрюкиной. Каждая из них пыталась найти любовь – родительскую, романтическую. Или даже просто признание и уважение. Ведь им в детстве говорили, что они самые умные и красивые, и они в это верили, потому что хотели быть именно такими. Но почему-то сейчас дорогу к этой самой любви они нашли только через худобу.

Несмотря на то, что героинь три, а артистка на сцене одна, запутаться в них достаточно сложно. Аля в очках и заикается, Светка – пафосная и гламурная, а Иванова – дерзкая и хамоватая. Их отличает

и пластика движений – походка, дрожь в теле, неуверенность. В целом пластика играет значительную роль. Несмотря на то, что в основном движения героинь – это импровизация, хореографические эпизоды гармонично встраиваются в постановку, передают чувства и эмоции героинь. Будь то подготовка к свиданию или дискотека

Подчеркивает внутренние переживания и музыка. Песня «Без тебя» группы «Маша и Медведи» прекрасно передает ощущения неразделенной любви Али. «Формалин» Fleug показал, что на дискотеку отправляются будто совершенно другие девушки. А песня «Февраль» группы «Обе две» подводит черту, вытаскивая наружу весь холод и равнодушие окружающего мира.

Декорации точно, но не буквально иллюстрируют происходящее. Костюмы героинь висят на вешалках-крестах, камушки на полу очерчивают могилки, а кровать посреди сцены – явный символ заточения в больнице. При этом детали переносят нас в комнату девочек-подростков – плед, подушки, ночник и милые вещи, говорящие, что девочки еще совсем юные.

Анорексия – заболевание, о котором слышал каждый, но история становится еще ближе публике за счет прямого контакта с ней артистки. Иммерсивность действует очень сильно – худые руки, касающиеся тебя, искренность просьбы позвонить и отпроситься на дискотеку, попытка нарядиться и поиск украшений у равнодушных людей заставляют по-настоящему включаться в историю.

Неудивительно, что за судьбой Ивановой, оставшейся без подруг, следишь с трепетом, искренне желая ей счастья. Актриса рисует красной помадой линию вдоль руки, позволяя зрителям тоже оставить ей что-то на память, предлагая что-то написать или нарисовать. Со сцены артистка уходит в слезах, а на ее руках – сердечки и единственное, самое важное слово – любовь.

Юлия Сергеева,

студентка Департамента журналистики УрФУ

Спектакль «Конец февраля»
Фото предоставлено МБУК Новый
Молодежный театр, Нижний Тагил

«ИММЕРСИВНОСТЬ – ЭТО ПСИХОТЕРАПИЯ»

После показа моноспектакля «Конец февраля» мы побеседовали с исполнительницей главной роли актрисой Ксенией Зрюкиной.

– Героини спектакля борются с анорексией. Вам близка тема принятия себя и своего тела?

– Да, мне близка тема анорексии, хотя буллинга в жизни не было. Это история о принятии себя. И, конечно, о любви, потому что героини искали любви. Просто рядом не было человека, который мог бы их поддержать. А еще это история о безразличии, которое может привести к неизбежным последствиям.

– Перед началом Вы уже были в образе, сидя в углу сцены с безумным взглядом. Как Вы настраиваете себя на спектакль?

– Я играла этот спектакль неделю назад, и он был отвратительным. На показ пришли агрессивные студенты, которые сами буллит жертв. Слишком многое в нашем спектакле зависит от зрителя. И если он хороший, как сегодня, я всегда смогу наполниться его энергией.

– До показа финал спектакля был неизвестен даже режиссеру. Решение жить героине или нет Вы каждый раз принимаете сами...

– Да, в начале спектакля я беру яблоко. Если показ проходит

хорошо, в финале я его откусываю, выбирая жизнь. Если не чувствую отдачи от зрителей – оставляю его нетронутым, убивая героиню. Всего один раз я не съела яблоко.

– Продолжите фразу: «Иммерсивный спектакль – это...»

– Иммерсивный спектакль для меня – это стресс. Я не люблю взаимодействовать со зрителями. Я их безумно боюсь. Мне комфортно, когда есть четвертая стена, за которую можно спрятаться. Здесь ее нет, и я каждый раз выхожу в неизвестность. Поэтому иммерсивность для меня – это сеанс психотерапии. Во время показа мне критик написала помадой на руке слово «Любовь». И я расплакалась. Иммерсивный спектакль очищает тебя за счет того, что ты выплескиваешь негативные эмоции.

– Ваш театр побывал на многих фестивалях. В чем уникальность «Коляда-PLAYS»?

– «Коляда-PLAYS» – это про уют, про коврики, сувениры, маленькие гримерочки... Безумно домашняя атмосфера. Огромный плюс фестиваля в том, что он дает возможность вживую увидеть другие спектакли. Можно просто сесть и поговорить с актерами и режиссерами со всей России. Это ли не счастье для любого человека, который живет театром?

Анастасия Старкова,

студентка Департамента журналистики УрФУ

ОФФ-ПРОГРАММА

«ЧЕЛОВЕК ЛЮДЬМИ
ДОЛЖЕН ЖИТЬ»

В Камерном театре состоялась читка пьесы Николая Коляды «Весталка», написанной по одноименному роману уральского писателя Николая Никонова.

– Мне ужасно жаль, что многие писатели Урала забыты. А ведь это произведения высочайшего качества. Два года назад ко мне обратилась заведующая литературной частью театра «Современник». Она сказала, что режиссер Московского академического театра Сатиры Евгений Газаров хочет поставить спектакль о войне в память о своих родственниках. Так родилась идея переделать книгу в пьесу, – рассказал зрителям Николай Коляда.

В читке были задействованы актеры трех театров – «Коляда-Театра», Камерного театра и Свердловского театра Драмы.

Война обнажает личностные качества человека. Люди, которые привыкли заботиться только о собственном благополучии, становятся изворотливыми и беспринципными, способными на предательство и подлость. В людях, думающих в первую очередь о других, раскрываются благородство, честность, храбрость, находчивость. Многих война берет в жертву, многие возвращаются с физическими увечьями, а кто-то до конца жизни пытается

заглушить алкоголем душевные травмы.

Подобно тому, как в романе Льва Толстого «Война и мир» противопоставляются мир Болконских и Курагиных, в «Весталке» противопоставлены миры Лиды Одинцовой и Вали Вишняковой. Обе попали на войну совсем юными, обе служили медсестрами, но первые же трудности показали различие этих героинь. Лида, даже получая тяжелые ранения, бесстрашно рвется на передовую, но мечтает о завершении войны. Попадая в госпиталь, читает соседкам по палате отрывки из «Войны и мира» (конечно, только те, что про балы, любовь и мирное время). Она впервые влюбляется, но любимый погибает на фронте.

Валя отсиживается в штабных медпунктах, находит себе богатых покровителей, которые обеспечивают ее роскошной по меркам военного времени провизией. И ей, в сущности, все равно, скоро ли закончится война.

В жизни, которая наступит после войны, для нее ничего не изменится. В довольном и сытом Валином мире «штабные крысы» на дружеских попойках бьют себя кулаками в грудь и рассказывают о вымышленных подвигах. Тем временем Лида, как и женщины, похожие на нее, работают на низкооплачиваемых работах, терпят издевательства окружающих, ютятся в маленьких, сырых комнатухах. Такие, как Валя, украшают дом безделушками, которые такие, как Лида, обменивали в голодные годы на хлеб.

Лида растит сына. Ребенок был зачат с нелюбимым человеком – ее изнасиловал офицер. Она очень боится, что сын вырастет похожим на отца. Позже она узнает, что находить в сыне портретное сходство с нелюбимым человеком – не самое страшное. Самое страшное для матери – потерять своего ребенка. Много лет спустя сын погибнет во время военных действий.

Весталками называли жриц богини очага Весты в Древнем Риме. Они сохраняли целомудрие на время своей 30-летней службы, посвящая жизнь соблюдению религиозных ритуалов и поддержанию священного огня в храме. Подобно весталке Лида Одинцова принесла в жертву любимого человека, а затем и сына. Подобно весталке она осталась верна своим идеалам.

– Для чего человек жить должен? – задаются вопросом герои пьесы.

– Для удовольствия, – думают одни.

– Для украшения земли, – считают другие.

Постаревшая Лида едет в поезде в Москву. Ей должны вручать орден в Кремле. Кажется, жизнь, наконец, расставила все по местам. Видит из окна дуб и вспоминает знаменитый монолог князя Андрея Болконского.

– Жизнь не кончается вместе со мной, все продолжается, и ее понесут дальше такие же, как я, и лучше меня. И дай бог, чтобы человек на земле остался человеком, во всей славе своей и во всем лучшем своем, что призвано хранить, рождать и спасать, – размышляет она.

Алена Снаговская,
студентка Департамента журналистики УрФУ

Читка пьесы «Весталка»
Фото Алены Снаговской

Над номером работали:

Редактор – М. Мясникова; зам. редактора – А. Трухина;
верстка – М. Гайл; корректор – Ю. Сергеева;
куратор – В. Цвиткис; студенты УрФУ и ЕГТИ.

